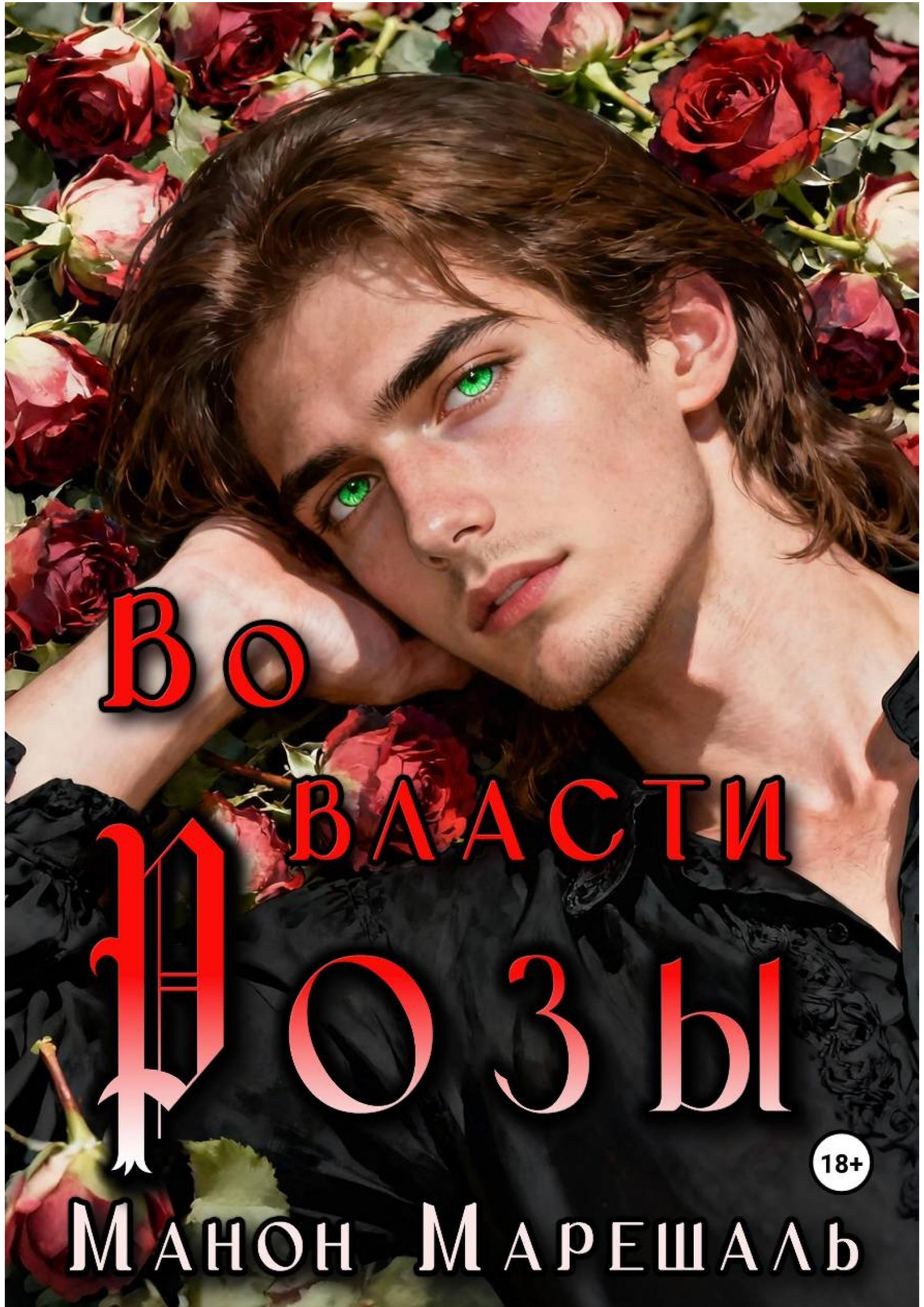

Во
власти
Поэты

18+

МАНОН МАРЕШАЛЬ

Манон Марешаль

Во власти розы

«Автор»

2026

Марешаль М.

Во власти розы / М. Марешаль — «Автор», 2026

Герцогиня Вальдрун приезжает к давнему приятелю — маркграфу Джеффри Кларенсу. Раньше стройная фигура и зелёные глаза Джефа примиряли Вальдрун с его жестокостью и мстительностью, но теперь герцогиня чувствует, что охладела к бывшему любовнику. Зато в имении Кларенса она встречает очаровательного юношу... с такими знакомыми зелёными глазами. Однако Джеффри не готов отпустить возлюбленную. И он уж точно не позволит заменить себя каким-то рабом.*** В РОМАНЕ ЕСТЬ **** условно-исторический мир* любовь вопреки запретам* неравные отношения* нежно и эмоционально* счастливый финал

© Марешаль М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1.	7
2.	11
3.	18
4.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Манон Марешаль

Во власти розы

Пролог

Чудесным летним вечером, наполненным лучами уходящего солнца и пением сверчков, маркиграф Джеффри Кларенс с парой доверенных людей лично ожидал Вальдрун, герцогиню Сорсет, в деревне, обслуживающей его имение.

При встрече герцогиня окинула всадников удивлённым взглядом – безусловно, дольше приличного задержавшись на бёдрах Джефа, обтянутых лёгкими тёмно-зелёными бриджами, – и предположила, что приятель в который раз проигрался в карты, так что теперь надеется любезным обхождением выпросить у неё скидку на земельный участок.

Вальдрун впервые оказалась в новом имении маркиграфа, ломившемся от роскоши, и, естественно, согласилась на экскурсию, но дальше она лишь мысленно позёвывала от скуки и закатывала глаза, когда Джеффри с плохо скрываемой гордостью демонстрировал бесконечные комнаты, наполненные изящной мебелью, золотой утварью и тому подобными вещами. «Слава богу, что он не перечисляет цены, – лениво кружилось в голове герцогини. – Ему следовало бы родиться в семье торговцев».

Тем не менее, Вальдрун оживилась при виде местной коллекции картин, которую Джеф снисходительно обозначил «развлечение прежнего владельца», а уж поистине роскошная библиотека заставила её глаза заблестеть от интереса. Маркиграф же истолковал её воодушевление в собственную пользу и, как только дверь библиотеки скрыла их от взглядов рабов, обнял женщину за талию, прошептал:

– Руна... Я так рад тебя видеть...

Вальдрун, несколько опешившая от внезапного напора Джеффри, посмотрела в его чудесные зелёные глаза – и ничего не почувствовала. Улыбнувшись – скорее польщённо, чем радостно, – скользнула пальцами по плечу Джефа, потянула носом его тёплый запах с привычными нотками сандала... и снова ничего не ощутила. Маркиграф, обрадованный, прижался ближе, поцеловал её шею, однако Вальдрун отстранилась и со словами:

– Я бы хотела отдохнуть после дороги, – малодушно сбежала, иначе не скажешь.

Закрыв дверь комнаты на два оборота ключа, герцогиня прошла в ванную, торопливо сбросила одежду и нырнула в горячую воду. Не давали покоя мысли о губах Джеффри – лукавых мягких губах, контур которых ей прежде так нравилось обводить кончиком языка, а сейчас... Сейчас она осталась к ним равнодушна. Да, они были всё так же прекрасны. Да, когда во дворе имения Джеф спрыгнул с коня, Вальдрун не упустила ни секунды этого зрелища: бриджи обрисовывали рельеф мужского тела совершенно нескромно, а вид стройных мускулистых бёдер Джеффри всякий раз напоминал ей, с каким неутомимым напором они способны двигаться. Даже сейчас, при одном только воспоминании обо всех их прошлых развлечениях, дыхание Вальдрун стало глубже, женщина непроизвольно закусила губы, чувствуя приятный жар между собственных бёдер. И, тем не менее, сейчас она не хотела Джефа.

Герцогиня с удивлением прислушалась к себе. Да, она могла бы выбраться из ванны, накинуть на обнажённое тело халат тончайшего китайского шёлка и пойти к Джеффри, но уже сейчас понимала, что дальнейшее стало бы скорее скучной и тягостной постановкой, нежели повторением того безумного удовольствия, которое бывало между ними прежде.

«Неужели это уже старость и идущее с ней рука об руку угасание темперамента? Мне тридцать два, казалось, время ещё есть... Может, виновата любвеобильность, я слишком

быстро исчерпала отпущенные силы? Что ж, во всяком случае, нужно прямо сказать Джефу, что он мне наскучил».

Вальдрун расслабилась в ванне, чувствуя, как тело всё больше наполняется приятной негой. Вскоре женщина отвлеклась на ощущение того, как горячая вода игриво скользит по её груди, иногда позволяя прохладному воздуху покусывать соски, от чего между бёдер всё больше нарастал жар. Сейчас мысли обо всех их ночах с Джеффри были как нельзя кстати, и Руна, закусив губы в лёгкой улыбке, отдалась воспоминаниям, неторопливо лаская себя.

1.

Вальдрун, герцогиня Сорсет, была известна в свете лёгким нравом, любовью к развлечениям и скандальным демократизмом в амурных делах. Герцогиню не волновали ни возраст, ни родословная, ни даже социальное положение её пассий: при виде льдисто-голубых глаз, нежно-розовых губ или brutальных скул, пришедшихся ей по нраву, Вальдрун желала получить их обладателя немедленно, позабыв о любых условностях, которых при дворе короля Георга было достаточно.

Король Англии Георг, продолжая политику своего отца Якоба, поддерживал в подданных высокий моральный дух, уважение к обычаям предков – в первую очередь к институту рабовладения! – и стремление к тихим семейным радостям.

Впрочем, как это обычно бывает, правила в основном касались низших слоёв населения, то есть «свободных граждан» – горожан, торговцев, крестьян. Аристократы, особенно приближенные ко двору, чувствовали себя гораздо более свободно. Главной обязанностью при дворе короля Георга была видимость соблюдения приличий, а за закрытыми дверями можно было делать что угодно.

Герцогиня Сорсет прекрасно умела играть в эту лицемерную игру. Она не целовала своих любовников на глазах у свидетелей – а дружеские объятия, даже с низшим по происхождению, всё-таки не считались за преступление. В совершенстве владела навыком светской беседы, а о политике и социальных проблемах рассуждала столь общими словами, что в итоге собеседники так и не могли сказать, каких же взглядов герцогиня придерживается. Если разговор всё же приближался к грани дозволенного, Вальдрун смеялась, говорила, что за этот вечер выпила слишком много вина и капризно требовала самого красивого раба – обмахивать её опахалом.

В целом герцогиня никого к себе не приближала, постоянных фаворитов при дворе не имела и общалась со всеми дворянскими семействами – и их видными наследниками – поровну. В свой дом гостей не звала и приёмов не устраивала, зато охотно посещала чужие.

Таким образом, мало кто знал, что за внешностью светской прелестницы: внимательными взглядом больших карих глаз, мягкими волнами каштановых волос и глубоким вырезом корсажа, скромно прикрытым кружевом, – скрывается рассудительная женщина с определёнными взглядами. Просто потому, что своими взглядами Вальдрун ни с кем не делилась.

Однако самые сообразительные из придворных уже давно обратили внимание, как ненавязчиво герцогиня Сорсет меняет общественные взгляды и даже моду, и поняли, что им стоит считаться с этой легкомысленной с виду кокеткой. Длинные шубы и обилие драгоценностей, которые при короле Якобе были не переменным атрибутом дворянина, теперь, благодаря остроумным насмешкам герцогини Сорсет, считались устаревшими и у молодёжи вызывали лишь снисходительные улыбки. Герцогиня не уставала повторять, что настоящего аристократа отличают не золотые цепи или дорогие меха, а принципы, честь и способность вести себя достойно в любой ситуации.

В соответствии со своими взглядами Вальдрун сама одевалась просто, хотя и продуманно, и на каждом балу во всеуслышание восхищалась теми мужчинами, чьи костюмы соответствовали её вкусу. Ходили слухи, что правильно подобранный камзол способен не только вызвать поток комплиментов обворожительной Вальдрун, но даже – попытка не пытка! – обеспечить своему владельцу приятное продолжение вечера наедине с герцогиней. И вот, буквально за полгода многие представители уважаемых фамилий не только сменили гардероб, но и сами начали превозносить умеренность в одежде и строгий вкус.

В своём поместье – небольшом, но уютном – Вальдрун собрала достойную библиотеку, а её рабы души не чаяли в милостивой госпоже. Ходили слухи, будто герцогиня освободила

многих рабов, дав им статус свободных слуг, а также что она якобы не наказывает их, однако для других аристократов всё это звучало слишком невероятно. Представить, что эта «неблагодарная чернь» работает добровольно? Да ещё и без кнута?!

Тем не менее, почти все представители старшего поколения в частных беседах не скупилась на ядовитые эпитеты для герцогини Сорсет: «большая оригиналка», «эта эмансипированная особа», а то и более откровенно – «мятежница». И всё же прямых доказательств, что сиятельная герцогиня подрывает устои, ни у кого не было. Лишь слухи.

Что до короля Георга, то стоило ему в очередной раз нахмурить брови и завести разговор на эту тему, как Вальдрун пленительно улыбалась, обвивала его грузную фигуру своими тонкими белыми руками и мурлыкала на ухо: «Право, мой господин, всё это глупости», – и Георг не чувствовал в себе сил настаивать, а потому всё продолжалось по-старому.

Полгода назад герцогиня Сорсет выкинула новый кунштюк: она заявила, что умеренность хороша не только в одежде, но и в образе жизни. Мол, она не желает вникать в хозяйственные траты, а потому продаст или отдаст под ренту большую часть своих обширных владений, оставив себе родовое имение и любимое поместье – дом с небольшим участком.

Конечно, главы многих уважаемых фамилий возмутились – их предки веками собирали землю! как можно отказаться от этого обычая! – однако ничего не могли поделать с самовольной герцогиней. Вальдрун была единовластной хозяйкой имущества после смерти отца, погибшего семнадцать лет назад в результате несчастного случая, и по праву опекунства над матерью, которая в том же происшествии потеряла и ноги, и рассудок.

Неделю назад, заслышав о продаже большого участка на границе с его владениями, приглашение герцогине прислал Джеффри, маркиграф Кларенс.

Конечно, маркиграф стоял ощутимо ниже на социальной лестнице, однако так сложилось, что много лет назад Вальдрун и Джеффри дебютировали при дворе в один сезон – только они двое. Юные дебютанты быстро поняли, что им выгоднее объединить усилия, ведь вдвоём завести правильные знакомства было в два раза проще и быстрее: Вальдрун щебетала с кавалерами, Джеффри обаятельно улыбался дамам, а заодно каждый из них представлял своим собеседникам и другого дебютанта.

Однажды, когда на особенно выматывающем круглосуточном балу у юной Вальдрун случился приступ мигрени, Джеффри поднял совершеннейший переполох: требовал, чтобы незамедлительно послали за королевским лекарем, собственноручно принёс девушке бокал с освежающим напитком, а потом ни на шаг не отходил от бледной Вальдрун, без сил откинувшейся на оттоманку, грел её холодные пальцы в своих ладонях и даже ради этого пропустил большой круг кадрили.

Само собой, позднее матушка – в ту пору она ещё была здорова – прожужжала Вальдрун все уши, объясняя, что маркиграфу нужен лишь её титул, требуя ни в коем случае не подчиняться порывам юного безрассудного сердца и пугая последствиями тайной связи с молодым человеком. Впрочем, Вальдрун, несмотря на возраст, уже тогда отличалась похвальным здравомыслием и сама прекрасно видела расчёт, стоящий за вниманием маркиграфа.

Тем не менее, поддерживать хорошие отношения с Джеффри было выгодно – в делах он имел бульдожью хватку, – поэтому Руна выбрала остаться с ним «приятелями», как это именовалось на придворном языке, а позднее опробовала и «тайную связь», которая оказалась далеко не так опасна, как пугала матушка, достаточно было соблюдать некоторые предосторожности. С тех пор маркиграф и герцогиня поддерживали интересы друг друга в придворных и финансовых делах и наедине именовали друг друга по-дружески – Джеф и Руна.

Джеффри не упускал случая отметить, как ему нравится это древнее и звучное имя. На языке предков Вальдун – германских завоевателей-викингов, четыреста лет назад с ужасающей жестокостью захвативших английские острова, – «Руна» означало «тайна», и Джеффри льстиво повторял, что и значение этого имени, и его гордое звучание совершенно подходят натуре Вальдун, подчёркивая её мудрую осторожность, силу характера и острый ум.

К сожалению, ответить Джефу аналогичными комплиментами Вальдун не могла. Несомненно, она находила очаровательными его рыжие вьющиеся волосы и хищно-раскосые зелёные глаза, но в глубине души всегда помнила, что по сути маркграф – наглый и самодоволь-

ный выскочка, болезненно переживающий порабощение своих предков-кельтов. И в чём же состоял его план? Неужели он в самом деле рассчитывал на брак с сиятельной герцогиней Сорсет? Как будто она опустится до столь позорного мезальянса! Конечно, Вальдрун поддерживала отношения с Джеффри, но про себя лишь посмеивалась над его неуклюжими попытками очаровать её и над его регулярными признаниями в нежных чувствах. Иногда Джеф был так невыносимо глуп!

Тем не менее, презрение к низкому происхождению маркграфа не мешало Руне при случае наведываться в его спальню, ведь в амурных делах Джеф был хорош: напористый, выносливый, но в нужные моменты мягкий, — хотя и заиклен на собственном удовольствии. А впрочем, кто из представителей высшего света был иным?

2.

К удивлению герцогини, Джеффри весьма болезненно отреагировал на новость о том, что отныне их отношения носят сугубо деловой характер. Впрочем, наверное, стоило сообщить ему об этом раньше, а не в спальне – перед постелью, усыпанной лепестками роз.

В итоге Джеффри уже в коридоре попытался взять Руну нежными уговорами, затем, натолкнувшись на непроницаемую холодность, сверкнул зелёными глазами и раздражённо повысил голос, на что получил спокойное напоминание о разнице в их социальном положении, а после – разбил о стену китайскую вазу с ближайшего столика и, хлопнув дверью, удалился к себе.

Вальдрун окинула дверь его спальни презрительным взглядом – есть ли на свете зрелище более жалкое, чем любовник, к которому охладели? – и провела вечер, изучая картинную галерею.

Незаметно наступила ночь. Руна, следуя собственному расписанию, легла в постель, немного почитала и погасила лампу. Однако, как она и опасалась, на новом месте сон не шёл.

Через несколько часов бессмысленного томления герцогиня решила устроить себе небольшое приключение: она надела простое чёрное домашнее платье и, взяв свечу со стола, отправилась искать местную «сокровищницу» – библиотеку, которую днём не смогла изучить из-за навязчивого маркграфа. Вальдрун запомнила, что библиотека расположена на верхнем этаже, в угловой башне.

Несмотря на возраст и статус, герцогиня позволяла себе время от времени дурачиться, устраивать розыгрыши и тому подобное. И сейчас она, прикрывая свет свечи рукой, тихонько кралась по мягким коврам, пряталась в углах огромных лестниц, воображая себя лазутчиком, резко выглядывала из-за поворота, надеясь подловить привидение, занятое важными призрачными делами, а одному портрету на стене – желчному старику с бородавкой на щеке – показала язык. И Руна не успела ещё даже устать от этих развлечений, как в конце длинного коридора увидела высокие двойные двери из тёмного дуба.

Библиотека была обустроена со вкусом, чувствовалось, что прежний владелец любил проводить здесь время. Даже жаль, что вся эта элегантная роскошь досталась Джефу, который совершенно не ценит подобное. Ему лишь бы наставить всюду безвкусных золотых безделушек!

Особенно Руне понравился уютный закоулок для чтения, где три мягких кресла окружали лакированный столик с перламутровой инкрустацией. Герцогиня погладила идеально ровную поверхность. Настоящая работа мастера! Может быть, выкупить его у Джеффри? Жалко оставлять подобную красоту человеку, который не способен её оценить...

Поплутав среди стеллажей, герцогиня вышла к свету: огромные, до потолка, ажурные окна искрились холодным лунным сиянием. Руна замерла в восхищении и, решив, что свет свечи диссонирует с этим чудом, потушила огонёк. Глаза уже привыкли к сумраку, к тому же ей подумалось, что идти назад в темноте будет даже более увлекательно: можно вообразить себя Тесеем, плутающим по лабиринту в поисках Минотавра.

Из окон библиотечной башни открывался вид до самого горизонта. Герцогиня опустилась на мягкую кушетку, видимо, поставленную у окна специально для подобных ночей, и отдалась романтическим думам о тщете всего сущего.

Однако через короткое время Вальдрун услышала тихий скрип – звук приоткрывшейся тяжёлой двери. Герцогиня соскользнула с кушетки и неслышно отступила в тень. Неужели Джеффри ходит по ночам в библиотеку? Если и так, то уж точно не ради книг – возможно, у него здесь тайник или что-то подобное.

Руна усмехнулась, воображая подходящую к окружающей обстановке картину: ночью в полнолуние маркиграф приходит в свою сокровищницу, полную древнего золота, а может, и костей его любопытных жён, и любуется блеском огромных бриллиантов, отражающихся в его зелёных глазах огнями безумия. Было бы забавно подсмотреть его секреты. Интересно, что сделает Джеф, когда поймёт, что он не один в библиотеке? Завизжит от страха? Разобьёт ещё одну вазу?

С этими мыслями герцогиня выглянула из-за торца длинного стеллажа и, подождав, в самом деле увидела тёмную тень, проскользнувшую по центральному проходу. Почти неразличимый звук шагов, приглушённых мягким ковром. Шорох. Стук, словно что-то металлическое поставили на стол. Щелчок огнива – неподалёку загорелся тёплый огонёк свечи. Кажется, это как раз в том округлом закутке. Скрип мягкого кресла. Да, это определённо там.

Прикусив губы, расплывающиеся в шаловливой улыбке, герцогиня начала подкрадываться. Она скользила вдоль стеллажа, и вот наконец, заглянув в щель между книгами, увидела искомое: лакированный столик, на котором теперь горела свеча, кресло – и мужчину, склонившегося над книгой.

К удивлению Вальдрун, любителем ночного чтения оказался вовсе не Джеффри. Даже в тусклом свете свечи было ясно, что у этого мужчины волосы более прямые и короткие: он то и дело заправлял за ухо падающую на глаза прядь.

Руна, подумав, всё-таки продолжила своё бесшумное движение – если уж начала подкрадываться, от этого удовольствия трудно отказаться, – но, дойдя до торца стеллажа, громко постучала костяшкой пальца по дереву и выступила к креслу, где сидел мужчина. Реакция последнего оказалась весьма яркой: таинственный библиофил вздрогнул, вскинул лицо – теперь стало видно, что он совсем юн, не более восемнадцати лет, – и словно окаменел, уставившись на Руну распахнутыми, полными ужаса глазами. Герцогиня даже почувствовала укол совести.

– Прощу прощения, – торопливо прошептала она, подходя ближе к креслу. – Я вовсе не хотела вас пугать. Мне не спалось, а здесь такая красивая луна... – она взмахнула рукой в направлении окна, словно ночное светило должно было каким-то образом оправдать её внезапное появление.

Однако молодой человек не реагировал, глядя по-прежнему и дыша часто, будто загнанный зверь. Наконец он моргнул – и словно оттаял. Захлопнул книгу, вскочил и, пробормотав:

– Извините, – рванул мимо женщины к выходу.

Вальдрун обдало запахом его тела: прогретая солнцем и летним ветром кожа, нотка свежескошенной травы, неожиданно приятный запах пота... Ноздри дрогнули, стараясь уловить чуть больше. Одежда юноши была простая, как обычно бывает у дворовых рабов: свободная тёмная рубаша, такие же штаны, а обуви совсем нет, хотя ноги с виду чистые. Должно быть, он разулся уже в помещении – чтобы не шуметь.

– Подождите... – Руна сделала пару шагов вслед за незнакомцем. – Не стоит уходить. Я вам не помешаю. – Видя, что юноша замер, она добавила ему в спину: – Оставайтесь? Пожалуйста.

Молодой человек обернулся – в его глазах сверкнул отблеск свечи – и, помедлив пару секунд, негромко сказал:

– Мне нельзя здесь быть.

– В библиотеке? Почему? – Про себя Вальдрун решила, что маркграф точно держит здесь тайник с золотом и трупами.

Юноша покачал головой. Непослушная прядь вновь упала на глаза, и он привычным движением заправил её за ухо.

– Господин так сказал. Но вы не бойтесь, – добавил он торопливо, – это только мне запрещено. Потому что я люблю читать. Тем более, вы ведь не из наших, да? Вы приехали с герцогиней Сорсет?

Замявшись на мгновение, Вальдрун кивнула. Очевидно, юноша, привыкший к золотому шитью костюмов маркграфа, принял её сдержанное чёрное платье за одежду служанки.

– Говорят, ваша госпожа милостивая. Если так, то она, наверное, вас не накажет? – юноша внимательно всматривался в лицо Руны.

– Думаю, нет.

Молодой человек кивнул, словно ждал такого ответа.

Вальдрун продолжила:

– В любом случае, о вас я тоже не скажу. Никто ничего не узнает. Оставайтесь?

Юноша несколько мгновений смотрел на неё в раздумье, затем перевёл взгляд на покинутое недавно кресло, после чего взглянул на книгу, которую всё ещё держал в руках.

– Это же сборник Аэноры Аквитанской! – герцогиня распахнула глаза от восторга. – У неё чудеснейшие канцоны! Вам нравится? Вы уже прочли?..

Молодой человек неуверенно кивнул.

– Пойдёмте, пойдёмте! Садитесь! – радостная Вальдрун указала на кресла. – А я займу соседнее. Так редко можно встретить человека, интересующегося поэзией... Расскажите, что вам понравилось больше всего?

Руна опустилась в одно из кресел, с нетерпением наблюдая, как юноша вернулся на своё место.

– Вообще говоря, мне больше понравились стихи Алегрета... Я перед этим их читал.

– Тёмный стиль? – герцогиня искренне удивилась. – Не видела ни одного человека, увлекающегося подобным. Всем больше по нраву лёгкие жанры – альбы, например... Вот, помните у Аэноры: «Под пенье птиц сойдем на этот луг. Целуй меня крепче, милый друг...» и тому подобное. Мне казалось, любовь – более подходящая тема для вашего возраста, разве нет?

– Да, конечно, – юноша словно бы смутился.

Герцогиня, мысли которой от любовной поэзии вдруг метнулись к теме собственно любви, провела взглядом по его телу. Худощавый – больше в этих условиях не разглядеть. Кисти рук крупные и, судя по всему, сильные. Неожиданно перед внутренним взором Руны мелькнул образ: эти крепкие, грубоватые пальцы сжимают её грудь в порыве страсти, – и тело

облило жаром. Пожалуй, о любовном истощении говорить преждевременно, значит, Джефу просто не повезло.

Облизнув губы, герцогиня повела взгляд выше – к лицу, теперь хорошо видимому в свете свечи. Юноша испытующе смотрел на неё в ответ, и Вальдрун словно обожгло озарением. *Глаза.* Такие знакомо-раскосые. Зелёные. Да и губы тоже похожи. Сыном он, ясно, быть не может – не настолько он младше маркграфа. Значит, брат – незаконнорожденный, поскольку официально Джеффри единственный отпрыск рода.

Юноша продолжал смотреть на неё с настороженностью, так что Руна улыбнулась и встала.

– Прошу прощения, я задумалась. Полагаю, мне тоже стоит взять книгу. Я ведь за этим сюда пришла.

Она рассеянно оглядела полки и выхватила томик наугад – это оказалась «Кривая любовь». Судя по всему, составитель этой библиотеки был настоящим поклонником поэзии. Вернувшись в кресло, Руна открыла книгу и наклонилась ближе к пламени. Юноша, следивший за её действиями, тоже вернулся к чтению.

В сумрачном помещении сгустилась тишина. Шорох страниц. Потрескивание свечи. Едва уловимый звук дыхания. Впрочем, этого звука как раз вовсе не было слышно – просто Руна искоса наблюдала за молодым человеком и видела, как легко поднимается его грудь. Чем-то её привлекало это едва уловимое движение... К тому же ей не давали покоя длинные крепкие пальцы юноши – то ныряющие в волосы, то переворачивающие страницу книги...

Молодой человек поднял глаза, и Вальдрун, спохватившись, нахмурилась в свой томик.

– Можно вас спросить? – после тишины шёпот показался оглушительным.

– Конечно, – женщина легко улыбнулась.

– Говорят, ваша госпожа освобождает рабов? И даже даёт им деньги?

Руна задумалась. Болтовня кухонной черни – это одно, но самолично подтвердить вольнодумные взгляды... Впрочем, рабы не имеют права свидетельствовать в суде...

Но всё же она выразилась осторожно:

– Полагаю, рабам герцогини повезло больше, чем многим другим.

– И ещё говорят, – юноша даже наклонился к ней, вглядываясь в лицо, – будто во владениях Сорсет не держат ни кнутов, ни плетей?

И Руна, глядя в эти жаждущие ответа глаза, глубоко вдохнула и призналась с опасной для себя откровенностью:

– Одна плеть есть, на всякий случай. Но её уже несколько лет не использовали.

Что ж, даже если этот разговор станет достоянием гласности – герцогиня была готова к тому, что рано или поздно подобное случится, – она не отступит и проявит стойкость, достойную своих гордых предков. Если уж в конце концов дойдёт до прямого обвинения, она столь же прямо будет отстаивать свою позицию касательно кнута и прочих, на её взгляд, варварских методов, ничуть не способствующих улучшению нравов. Даже если – Вальдрун прекрасно это понимала – её жертва не возымеет ни малейшего результата.

Молодой человек продолжал испытующе смотреть ей в лицо, и Руна мягко спросила:

– Здесь... тяжело с этим?

Юноша опустил глаза и выдохнул, ссутулившись.

– Бывает по-разному. Просто... хочется верить, что где-то есть другая жизнь. Другие страны. Такие, как пишут в книгах. Может, это правда. Или нет, я не знаю, – молодой человек невесело улыбнулся. – Вы бывали в других странах?

– Да, конечно... – Руна спохватилась, что этим может выдать свой статус, но было уже поздно, вылетевших слов не воротить, так что она добавила: – В нескольких.

– А где вам понравилось больше всего? – В ответ на потрескивание свечи юноша мельком взглянул в её сторону, и в его распахнутых от любопытства глазах мелькнуло отражение пламени.

Герцогиня задумалась.

– Пожалуй, в Италии.

– Там действительно настолько тёплое море, что можно купаться даже зимой?

– Да. А на берегу цветут апельсины и гранаты.

– И архитектура, и много чудесных произведений искусства, – молодой человек мечтательно улыбнулся. – И горы, и песчаный берег, и закат. Я видел рисунки. Неужели всё это правда?

Вальдрун улыбнулась в ответ.

– Да. Море на закате даже прекраснее, чем это могут передать слова или краски.

Улыбка сползла с лица юноши, он кивнул и через пару секунд вновь склонился над книгой. Руна, смущённо кашлянув, тоже перелистнула страницу.

Вскоре молодой человек закрыл книгу и поднялся.

– К сожалению, мне нужно идти. Скоро начнётся работа. Только нужно убрать... – он неуверенно взглянул на свечу, от которой остался лишь маленький огарок.

– Да, конечно, – Вальдрун тоже встала. – Спасибо за приятную беседу. Кстати, если вам нужно...

Она вернулась за своей свечой, оставленной рядом с окном, и протянула её юноше. Тот беспокойно спросил:

– Но как вы найдёте дорогу? Хотите, я вас провожу?

– Нет-нет, не стоит! – Руна поймала себя на том, что сказала это чересчур поспешно. Ей вовсе не хотелось разрушить хрупкое доверие этого юноши, сообщив, что она остановилась не в спальне для слуг, а в господской части дома. – Я помню, как шла сюда.

– Тогда спасибо.

На губах молодого человека мелькнула улыбка, и Руна вновь подумала о том, насколько они похожи на другие губы – которые она прежде не раз целовала. Эти, пожалуй, более узкие, но это вовсе их не портит...

Юноша отошёл к столику и задул свечу. Пошуршал в темноте – видимо, прятал свои вещи.

Руне вдруг пришла в голову мысль, что сейчас они так близко: она различала силуэт, чёрный в темно-сером сумраке библиотеки, снова чувствовала его незамысловатый, но приятный запах, слышала осторожные шаги. Она могла бы притянуть юношу к себе и проверить, похож ли вкус его губ на губы Джеффри. Простолюдины обычно были не столь искушены в ласках, как аристократы, однако их обаяние состояло в страсти и некоторой грубости, которая так нравилась пресыщенной герцогине...

– Пойдёмте? – Тихий голос юноши перебил её мысли. – Вам помочь?

– Нет, благодарю, я вполне ориентируюсь.

Когда за ними закрылись тяжёлые двери библиотеки, и тьма вокруг сгустилась ещё больше, плечо Руны тронули пальцы: они действительно оказались сильными, но почему-то вызвали ассоциацию с хваткой утопающего, который непроизвольно пытается нащупать что-нибудь – что угодно – лишь бы спастись от холодной пучины.

– Вам – в ту сторону, прямо. Или всё-таки проводить вас?

И вдруг здесь, в этой темноте, где существовали лишь их силуэты и шёпот, Руне страстно захотелось, чтобы этот юноша пошёл с ней. Взял бы её за руку – как иначе не потерять друг друга? – провёл по огромным залам и, возможно, подсказал, где искать фамильное привидение. А затем они бы сидели в уютной спальне, пили освежающий лимонад, говорили о поэзии, и свет десятка свечей мягко ложился бы на эту очаровательную улыбку...

– Нет, спасибо. Я действительно ориентируюсь. Хорошей вам ночи.

– И вам.

Руна двинулась вперёд по коридору – прислушиваясь, однако за спиной она так ничего и не услышала. Эта встреча была завершена, и шанс был потерян. Как жаль...

Пробираясь по тёмным коридорам, Руна пыталась вспомнить детали стародавнего скандала, связанного с семейством Кларенс. Ей самой тогда было тринадцать или четырнадцать лет – самый тот возраст, чтобы интересоваться светской жизнью и, особенно, скандальными сплетнями. Конечно, чопорные родители ни за что не стали бы обсуждать подобную грязную историю в её присутствии, зато более взрослые приятельницы охотно передали ей все подробности, услышанные при дворе.

Молодая жена Кларенса развлекалась с рабом – не то, что следует выставять на всеобщее обозрение, но поступок довольно обычный, – однако эта связь поистине свела её с ума! Явившись на аудиенцию к королю Якобу, известному поборнику нравственности, она во всеуслышание заявила, что не любит своего мужа, а любит другого мужчину, поэтому просит у короля развод. Приятельницы Вальдрун, хихикая в кружевные платки, уверяли, что при слове «развод» король выпучил глаза так сильно и покраснел до такой степени, что окружающие испугались, как бы его не хватил апоплексический удар. Кое-как отдышавшись, Якоб начал привычную проповедь о тихих радостях семейной жизни и гармонии супружеских сердец, которую нарушать недопустимо. Однако маркграфиня ответила, что её супружеская гармония уже нарушена тем фактом, что недавно муж отхлестал её кнутом наравне с рабами. На этом моменте все придворные дамы ахнули в свои вееры, а кавалеры смущённо потупили глаза – разве можно прилюдно говорить о семейных неурядицах?! Уж такого нарушения приличий Якоб стерпеть не мог! Он стукнул кулаком по ручке трона и, дрожа от ярости, повелел госпоже Кларенс немедленно удалиться во владения её мужа и не покидать их никогда больше. Через полгода маркграф, не сделав официального сообщения, надел траур, а вскоре после этого уехал в Новый Свет – и все втихаря шептались, что это стало наилучшим выходом из «его ситуации».

Когда позже Руна познакомилась с Джеффри, она даже не сразу соотнесла его фамилию с тем давним скандалом, да и, честно говоря, ей было не интересно вникать в прошлое нового приятеля, когда перед ними обоими открывалось увлекательное будущее при дворе.

Но теперь Руна узнала маленький семейный секрет: у истории безумной любви марграфини к рабу было вполне реальное последствие. А впрочем, что ей до этого! Завтра они с Джеффри обсудят сделку, герцогиня уедет в своё имение и вряд ли когда-либо вернётся в этот дом.

3.

Однако на следующий день перейти к деловым вопросам Руне не удалось. Джеффри дулся после вчерашнего: после пробуждения сказался больным, а когда ближе к вечеру наконец-то вышел – молчал, будто капризная девица. Не став терпеть эти выходки долго, герцогиня удалилась в свою комнату. По дороге она приказала камердинеру добыть десяток свечей наилучшего качества.

А ночью вновь отправилась в библиотеку.

Ждать юношу пришлось долго, а может, Руну просто томило нетерпение. Она успела несколько раз обойти всю библиотеку, выбрать себе книгу для чтения и дважды посмотреть в окно: луна то и дело скрывалась за быстро бегущими облаками, от чего на сердце становилось тревожно.

Наконец у двери раздался едва уловимый шум. Вальдрун замерла, не зная, как поступить: ей не хотелось снова испугать юношу, выскочив на него из темноты, но и подать голос сразу было рискованно – вдруг он не узнает её и уйдёт? Этого Руне определённо не хотелось. В итоге она замерла рядом с окном, и лунный свет обрисовывал её тень на полу.

Из-за стеллажа выступила тёмная фигура и знакомым жестом поправила волосы. Вальдрун невольно улыбнулась.

– Добрый вечер.

Юноша ответил после заметной паузы:

– Здравствуйте.

Хотелось что-то сказать, но что? Герцогиня Сорсет, к своему удивлению, осознала, что впервые оказалась в подобной ситуации. Раньше её собеседники всегда были в курсе её статуса, поэтому достаточно было взгляда, пары слов, а то и щелчка пальцев, чтобы тот, кто привлёк внимание сиятельной герцогини, охотно пошёл следом – к её карете или к спальне. Но сейчас всё было не так. Сейчас ей нужно было понять, какая тема могла бы заинтересовать этого юношу.

Рассеянно оглянувшись, Руна вдруг сообразила: они ведь в библиотеке! Можно начать разговор с этого, затем перейти к любимым книгам...

– Вы часто сюда ходите?

– Нет, – юноша сказал это слишком резко.

– Но мы встречаемся здесь вторую ночь подряд...

На этот раз даже Руна обратила внимание на повисшую тишину. Разговор явно не складывался. Но почему?

Очередная туча закрыла луну за окном, библиотека наполнилась сумраком, и Руна не сразу поняла, что юноша исчез. Скрипнула половица по направлению к двери.

– Пойдите!

Она бросилась в направлении шума и налетела на молодого человека в темноте.

– Вы не можете мне приказывать.

От агрессивной уверенности в его голосе герцогиня даже опешила.

– Я... не собиралась. Я принесла вам свечи. Если зажечь две или три, то читать будет удобнее.

Тяжёлое дыхание раздавалось совсем близко.

– Они мне не нужны. Я больше сюда не приду.

Пока Вальдрун удивлённо хлопала глазами и пыталась понять столь резкую перемену в поведении молодого человека, тот всё-таки добрался до двери и покинул библиотеку.

Руна пожала плечами, оставила связку свечей на столике и тоже направилась к себе. В груди неприятным клубком вились разочарование и злость.

4.

На следующий день герцогиня Сорсет проснулась в дурном расположении духа и сказала себе: «Хватит! Сегодня всё должно решиться. Во второй половине дня я наконец-то уеду».

Однако Джеффри, видимо, ещё не натешился своей детской обидой. Завтрак был накрыт на одну персону.

Чуть не пробуравив стол взглядом, Вальдрун наконец прошипела сквозь зубы:

– Передайте вашему господину, что я уезжаю через час. Если у него есть ко мне разговор, советую поторопиться.

Раздражение герцогини возымело действие: Джеффри явился немедленно, извинился за опоздание, надавал пощёчин рабьям, якобы забывшим поставить ещё один прибор, и уселся за стол с любезнейшей улыбкой.

Однако всё это успокоило Вальдрун ненадолго: уже за завтраком она заметила лукавые искорки в лисьих глазах маркиграфа, а также то и дело мелькавшую усмешку.

Промокнув губы салфеткой после десерта, Джеффри обратился к гостье елейным голосом:

– Ваша светлость, мне, право, неловко задерживать ваш отъезд, но мне необходимо наставление... – он состроил жалобную гримасу. – Могу ли я нижайше просить вас задержаться – совсем ненадолго, лишь до вечера? Ведь вы вчера говорили, что никуда не торопитесь...

В груди Вальдрун потянуло неприятное предчувствие. Что за странный тон выбрал маркиграф? Зачем ему нужна эта ложь, ведь вчера она ничего подобного не говорила? И почему в столовой так много рабов – определённо больше, чем нужно для обслуживания рядового обеда? В их присутствии обвинить их собственного господина во лжи недопустимо. Рабы должны уважать хозяев – это правило при дворе Георга обязаны были соблюдать все, даже герцогиня Сорсет.

– Конечно, *ваше сиятельство*. – Вальдрун отметила, как на этом обращении к низшему по титулу глаза маркиграфа сузились, а ноздри вздрогнули от плохо скрываемого раздражения. – Вы можете попросить. И в каком же наставлении вы нуждаетесь?

– Сегодня у нас день суда, и я был бы невероятно, – Джеффри выделил последнее слово, – признателен, если бы ваша светлость помогли мне и направили с высоты своего опыта управления. Возможно, я делаю что-то неправильно, и в этом случае аристократу было бы постыдно упорствовать в заблуждениях. Поэтому я готов принять любую вашу критику, – маркиграф сверкнул лучезарной улыбкой.

Вальдрун почувствовала себя словно на сцене: грянула драматичная нота клавирина, и свет всех софитов скрестился на ней. Она не смотрела по сторонам, только в зелёные глаза Джеффри, однако кожей чувствовала взгляды рабов, застывших в тених комнаты. О ней ходили слухи, но болтовня черни не имеет значения. А вот если дворянин вроде маркиграфа Кларенса выдвинет официальное обвинение в нарушении устоев рабовладения – это будет совсем другой уровень. Последует унижительная проверка, допрос, и, если кто-либо из её вольноотпущенных слуг проболтается – среди них, к сожалению, есть не очень сообразительные, – на публичном суде даже король не сможет её защитить. Неужели Джеффри посмеет так поступить?.. Вальдрун прекрасно знала, что он мелочный и мстительный, но до этого дня никогда мстительность Кларенса не угрожала ей самой.

Маркиграф ждал ответа с насмешливой улыбкой.

Что ж, очевидно, здесь и сейчас Руне придётся опровергнуть слухи о слишком мягком обращении с рабами. Ведь у неё – проклятье! – нет никакого уважительного повода, чтобы отказаться.

Поэтому герцогиня скривила угол рта в кислой улыбке и проговорила:

– Конечно, ваше сиятельство.

На лице Джеффри мелькнуло удовлетворение.

– Комната наказаний у нас внизу.

По роскошному креслу, стоящему на невысоком пьедестале посреди просторной комнаты наказаний, даже внешне чувствовалось, насколько оно мягкое и удобное, – свидетельство того, что маркиграф любит бывать здесь. Прочая – угнетающая – обстановка соответствовала назначению помещения: затхлый воздух с нотой сырости, грязно-серые стены, режущий холодно-белый свет плафонов с десятками свечей.

Джеффри бросил одному из двух распорядителей наказаний:

– Кресло для их светлости. И поставьте справа, а не как в прошлый раз!

Взгляд Руны словно магнитом притянуло к фигуре палача: высоченный громила в кожаном переднике, прикрывающем лишь бёдра, имел распяляющую воображение мускулатуру, его лоснящиеся от разогревающего масла плечи и грудь ласкали взгляд и манили соблазном... Второй распорядитель был ниже ростом, его грудь была покрыта завитками густых чёрных волос.

Над ухом Вальдрун раздалось мурлыканье Джефа:

– Может быть, хочешь, чтобы вечером они присоединились к нам в спальне? После казни это просто дикие животные, обещаю, что такого ты ещё не пробовала...

Руну словно окатило ушатом ледяной воды. Конечно, можно было не сомневаться, что чёртов Джеффри приготовил для неё не просто наказание, а именно казнь. Сжав зубы, герцогиня Сорсет прошествовала на приготовленное для неё место. Отсюда навязчиво бросался в глаза реквизит для пыток: мокнувшие в ведре с уксусом розги, свёрнутый кольцами кнут, цепи, верёвки, ошейник... Чуть поодаль, в углу – гильотина, последнее слово техники для устрашения черни. И тёмные засохшие разводы на полу. Сознание тут же услужливо наполнило нос железистым запахом крови. Семнадцать лет прошло, но Руна помнила всё так, словно это было вчера.

Первой стала кухарка, приготовившая невкусный, по мнению маркиграфа, суп. Женщину била крупная дрожь, но она хотя бы молчала – Вальдрун поблагодарила небеса за этот маленький подарок. Она прекрасно знала, как рабы могут кричать.

– Четыре удара розгами.

– О, ваша светлость, вы столь мягки... – На лице Джефа вновь проступило это пакостное выражение, и он игриво провёл указательным пальцем по своим бриджам – сегодня песочного цвета. Очевидно, он получал искреннее удовольствие от разыгрываемого спектакля.

– Я следую простой логике. Если у кухарки будут трястись руки, она станет готовить ещё хуже.

– Что ж... – маркиграф взмахнул пальцами, давая знак палачам.

Следующие несколько мужчин также приняли наказание привычно: сами встали на отведённое место, лицом к креслам, и крепко вцепились в металлическую раму – ради нескольких ударов не привязывали. Однако Вальдрун понимала, что дальше будет хуже.

Конюх, не уследивший за чистопородным арабским скакуном: во время бега слетела подкова, конь сломал ногу, и его, конечно, пришлось резать. Джеффри уставился на герцогиню с плохо скрываемым злорадством, но та не колебалась. Наказание за порчу дорогого имущества было хорошо известно.

– Смертная казнь.

Стоило рабу слышать приговор, как он тут же повалился без сознания. И то хорошо, хотя бы не будет умолять о пощаде.

– Вот так сразу? – маркиграф поднял брови. – Возможно, стоило бы начать с кнута?

Вальдрун смерила его спокойным взглядом.

– Вы просили наставления, и я не отказала вам в помощи. Однако я берегу своё время.

Джеффри фыркнул и степенно кивнул палачам. Те переглянулись с довольными ухмылками, схватили конюха за ноги, подтащили к скамье гильотины и привязали. Мужчина начал было неразборчиво бормотать, затем глаза его распахнулись – и он закричал. «Держи себя в руках, Вальдрун. Ты ничего не можешь сделать. Он должен был выполнять свои обязанности. Это не твой раб. Смотри в глаза Кларенсу и будь спокойна. Всё в порядке, держи себя в руках».

– Почему нет освежающих напитков?

– У вас пересохло горло? Кажется, здесь довольно свежо.

– Может быть, вам этот воздух привычен, но я нахожу его затхлым.

– В вашем поместье комната наказаний оборудована по-другому? Расскажите, как именно?

– Я предпочитаю проводить экзекуции на свежем воздухе. И эха нет, голова меньше болит, – Вальдрун нашла в себе силы улыбнуться.

Крики конюха, действительно, бросались от одной стены к другой, наполняя помещение гулом, пока наконец не оборвались на булькающем звуке. Маркграф не отрывал глаз от лица Вальдрун, словно смакуя её эмоции.

– Мне очень приятно, что вы, *ваше сиятельство*, – герцогиня добавила в голос яда, – находите меня столь интересной, но я, кажется, попросила напитки. Или мне сходить за ними самостоятельно?

Джеффри демонстративно опустил взгляд на её губы, облизнул собственные и поднялся.

– Для меня будет честью лично услужить вашей светлости. А вы, – он щёлкнул пальцами в направлении палачей, – приберитесь пока.

Вальдрун обессиленно откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Стук капель крови по полу казался невыносимо громким, полностью заполнял слух, переплетаясь с шумом собственного кровотока. Словно простенькая мелодия: капля, сразу две, ещё одна... От железистого запаха – теперь уже вполне реального – тошнило.

Чёртов Кларенс! Ничего, нужно дотерпеть до конца, выбраться из этого проклятого подвала на свежий воздух и перевести дух. А потом – придумать достойную месть. Вальдрун не считала себя мстительной, но подобное она спускать не собиралась.

Вскоре маркграф вернулся с графином красного вина и парой бокалов.

– Каберне прошлогоднего урожая. На приёме у маркизы Одд вы его хвалили.

Вальдрун скривила губы.

– Вы помните, что я говорила три месяца назад?

– Я помню всё, связанное с вами, – Джеффри взглянул ей в глаза неожиданно серьёзно.

– Разве вы не замечали?

– Не могу сказать, что меня это радует, – Руна сделала большой глоток и демонстративно отвернулась к высокой металлической раме. – Давайте продолжим.

Следующей была домашняя рабыня – молодая девушка яркой и необычной красоты. Смуглая туземка с чёрными миндалевидными глазами, она была недавно куплена маркграфом у генерала, привёзшего новопойманных рабов. Сейчас девушка держалась стойко, хотя было заметно, что её лицо опухло от слёз.

Джеффри закатил глаза и притворно вздохнул.

– В этом случае мне точно необходимо ваше наставление. С одной стороны, она вполне исполнила свой долг благодарности, а её непокорность стала даже приятной перчинкой. Эти туземцы не зря поклоняются огню, их женщины – чистое пламя! Однако затем... – Кларенс соорудил кислую мину, – она принялась плакать и даже хотела ударить меня ножом для бумаги. Терпеть не могу женские истерики и глупые драмы! Понимаю, вопрос деликатный, но я тешу себя надеждой, что мы достаточно близки для подобной откровенности. Подскажите, ваша светлость, как следует поступить в таком случае? Да, я понимаю, что покупка туземцев – это

риск, но вы же видите, какая она... — Джеффри склонился к плечу Вальдрун и жарко пробормотал: — Почти такая же дерзкая и огненная, как ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.